Шимак, Е. К. Восточнославянские земли в антиосманской политике Римской курии (вторая половина XV—XVI в.) / Е. К. Шимак // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 96 – 102

Е. К. Шимак

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ В АНТИОСМАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ РИМСКОЙ КУРИИ (вторая половина XV—XVI в.)

В конце Средневековья термин «Европа» с географического превратился в политический и стал противопоставлять культурно-политические ценности различных цивилизаций. Традиционное восприятие Европейского континента как христианского и языческого миров сменилось на новое понимание Европы — как Западной и Восточной. Последний ее регион охватывал государства Великого Княжества Литовского, Великого Княжества Московского. Когда под натиском Османской империи в 1453 г. пал Константинополь, центр восточноевропейского региона стал перемещаться с юга на север — на территорию бывшей Киевской Руси, где постепенно, путем укрепления великокняжеской власти, создания единого центра и проведения успешных военных акций, политическое доминирование переходило к Великому Княжеству Московскому [1, s. 34].

После падения Константинополя стала разрабатываться идея европейского единства. Придать ей реальные очертания стремилась в первую очередь Римская курия, в центре внешней политики которой находилась организация общеевропейского антиосманского похода. Попытки римских пап, начиная с папы Пия II (1458—1464), привлечь турок на сторону христианства были обречены на провал. С предложением организовать антиосманскую коалицию папа Павел II (1464—1471) обращался к европейским дворам. Но они, занятые реализацией своих собственных политических целей и находясь во взаимной конфронтации, не были склонны поддерживать многократные призывы Курии. Тогда в поле зрения папской дипломатии оказалась Восточная Европа. Будущий папа римский Пий II, Эней Сильвия Пикколомини, в своем известном трактате «De Europa» употреблял термин «Европа» не просто как красивое слово из античной литературы, но применял его уже с определенным смыслом, подчеркивая религиозную, политическую и культурную общность государств этого региона, в том числе Польши, Великого Княжества Литовского и Ливонии. Несмотря на то что и Ян Длугош, и Мацей из Мехова доказывали, что «Московия» с точки зрения географии является частью Европейского континента, на протяжении всего XVI в. доминировал взгляд об азиатском характере «Княжества всея Руси». Но именно Римская курия подняла проблему Московской Руси как потенциального союзника в антиосманской борьбе. Преследуя эту цель, взаимоотношения Москвы, Вильно и Кракова стали объектом пристального внимания Апостольской Столицы, которая с конца XV в. выступала активным и закулисным участником в дипломатической игре и военных столкновениях государств Восточной Европы.

Преследуя свои собственные интересы — укрепление государственности, территориальные наращивания, безопасность внешних границ, развитие экономики, Великое Княжество Московское, а с 1547 г. — Российское царство, поддерживало контакты с Апостольской Столицей. Проблема правильности употребления великокняжеского титула, вопрос о «царском имени», борьба за «Константинопольское наследство», церковный союз — это те «козырные карты», которые использовались Москвой в отношениях с Римом. И первым шагом Москвы к активной внешней политике в Западной Европе стало установление в 1469 г. официальных дипломатических отношений именно с Курией [2, с. 225; 3, с. 126].

Шимак Елена Казимировна — преподаватель кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

Посольства, направленные в Рим Иваном III, преследовали в основном культурные и экономические цели. Посланники же Рима в Москве вынашивали иные, далеко идущие политические планы. Ставка делалась на крепнущую Московию, которая всегда была обеспокоена безопасностью своих южных границ. Предполагалось, что в случае ее объединения с Польшей и Великим Княжеством Литовским могла возникнуть такая сила, которая, нанеся концентрированный удар по Османской империи, была бы в состоянии обеспечить безопасность для европейских государств.

Этот проект был одним из самых идеальных, однако реальные события предопределили его несостоятельность. В это время король польский был занят закреплением Ягеллонов на чешском и венгерском престолах. Что касается Ивана III, то он, защищая свои южные и восточные границы от татар, взяв себе титул «государя всея Руси», повел подготовку к войне с Великим Княжеством Литовским. В давлении на Великое Княжество Литовское он пытался использовать вассала Османской империи — Крымское ханство, союз с которым был заключен в 1474 г. В 1479 г. крымчаки опустошили Брацлавщину. В 1482 г. Менгли-Гирей, подстрекаемый Иваном III, захватил Киев, сжег Печерский монастырь, разграбил Софийский собор. В плен попали не только простые киевляне, но и киевский воевода Иван Ходкевич. Довольно странно выглядела реакция Казимира IV на разрушение колыбели христианства Восточной Европы, когда он, не желая еще больше обострить отношения с Менгли-Гиреем, написал хану, что разрушение Киева — «кара за грехи». Но расчеты великого князя литовского и короля польского на замирение с Крымом не оправдались: крымчаки продолжали опустошать Киевщину, Подолье и Волынь и в последующие годы. Кроме того, с 1498 г. на Украину, кроме татар, стали нападать уже и непосредственно турки [4, с. 338].

Таким образом, объединение Великого Княжества Московского, Короны Польской и Великого Княжества Литовского в составе антиосманской коалиции имело ряд преград. Святой Престол рассчитывал на то, что союз этих держав можно будет укрепить и единством веры и что Москва со временем признает примат папы римского. Однако, разумеется, московские князья не могли быть сторонниками этих замыслов. Что же касается планировавшегося Римом введения церковной унии на землях Великого Княжества Литовского, то против нее выступали уже местные иерархи католической церкви, не желавшие сохранить здесь даже православные обряды.

Папский престол возлагал особые надежды на династический брак Ивана III с Софьей Палеолог — племянницей последнего византийского императора Константина IX, воспитывавшейся в Риме и перешедшей там же в католичество. Уже тот факт, что расходы на путешествие «королеве Русской Зое» оплачивались из специальной кассы, предназначенной исключительно на нужды войны с турками, убедительно свидетельствуют о планах Святого Престола [5, с. 162—170]. Предполагалось, что Иван III, в силу брака с Софьей, будет сражаться за свои права на «восточную империю». Дело в том, что в 1473 г. венецианский сенат признал права Ивана III на Византийскую империю из-за отсутствия наследников по линии Палеологов. Мануил Палеолог отрекся от христианства и стал служить при дворе султана. Что касается Андрея Палеолога, то предполагается, что он отказался от престола. Существуют доказательства продажи им своих прав французскому королю Карлу VIII, а также испанскому королю Фердинанду и королеве Изабелле [6, с. 166—172]. Единственной наследницей фактически являлась Софья.

Кроме того, в связи с переговорами по организации брака Ивана III и Софьи, впервые после Флорентийской унии появилась возможность возобновить переговоры по церковным вопросам. Возможно, что в ходе ответного посольства Ивана Фрязина (Джана Баттиста делла Вольпе) в Рим (1472 г.) был распространен слух о готовности Ивана III признать папу преемником Святого Петра. Эту версию подтверждает и тот факт, что в Москву Софью сопровождал епископ Антонио Бонумбре, обладая особыми полномочиями легата a latere [5, с. 196—

197]. Его полное название — a latere Pontificis, то есть лицо, близкое к папе. Такой легат входил в ближайшее окружение понтифика. Легат a latere имел право на протокольные почести, оказываемые главе государства [7, с. 67]. Несмотря на глубокие традиции дипломатического церемониала Римской курии, были и некоторые исключения из правил. Это относится и к описанному случаю. Антонио Бонумбре, направленный в Москву как легат a latere, никогда не был кардиналом. Обращает на себя внимание и тот факт, что он, кроме вышеуказанного титула, был назван еще и нунцием. Исключительный статус посылаемого легата мог быть вызван тем, что в Риме надеялись, что брак московского великого князя и византийской царевны, воспитывавшейся в Риме, станет прочным фундаментом для постоянных контактов с Москвой наравне с католическими государствами, в отношениях с которыми посылка легатов a latere и нунциев была обычной практикой.

Московские посольства, направленные в Италию уже после женитьбы Ивана III (1475 г. — Семен Толбузин, 1488 г. — братья Дмитрий и Мануил Ралевы, 1493 г. — Даниил Мамырев и Мануил Ангелов, 1499 г. — Митрофан Карачаров и Дмитрий Ралев), никаких вопросов, кроме набора мастеров и художников, не поднимали [8, с. 233—235, 266]. Хотя есть основания предполагать, что Курия обращалась и к великому князю московскому с приглашением на антитурецкий конгресс. Папа Инокентий VIII 30 ноября 1484 г. направил в христианские государства письма, в которых подчеркнул, что над христианским миром со стороны Османской империи нависла огромная угроза, и призывал дать ей решительный отпор. Понтифик предложил выслать в Рим представителей от каждого государства, чтобы совместно решить дело организации антиосманского крестового похода. В 1485 г. московское посольство было направилось в Рим [8, с. 233]. В актовых материалах и летописях цель посольства не указана. Возможно, она и заключалась в том, чтобы передать утвердительный ответ на приглашение папы. Н.Н. Бантыш-Каменский сообщает, что в 1486 г. «папа Климент писал о союзе против турок», но с августа 1484 г. по июль 1492 г. Апостольский Престол занимал папа Инокентий VIII, и писать в Москву имел возможность только он [8, с. 268]. В это же время из Москвы в Италию был направлен Мануил Ралев. Время его нахождения в Риме совпадает с периодом деятельности антитурецкого конгресса [9, s. 110—121]. Таким образом, действия Ивана III, направленные в сторону Рима, были не простым стечением обстоятельств, а сконцентрированной, планомерной и продуманной политикой, начало которой было положено еще в 1469 г.

Становится очевидным, что внешнеполитические успехи Москвы отодвинули на второй план взаимоотношения с Курией. Так, к 90-м гг. XV в. Иваном III были разрешены все основные вопросы, связанные с татарскими ханствами и задачами обеспечения восточных и южных границ государства. Остатки Большой Орды доживали последние годы. Оставшиеся представители угасавшей золотоордынской династии не были способны на серьезные выступления. Союз Москвы с Крымским ханством хотя и не мог быть продолжительным, но в данных условиях вполне оправдывал себя. В результате падения Большой Орды силы Менгли-Гирея освобождались для действий против Великого Княжества Литовского и Короны Польской. Казанские ханства находились в полном подчинении у Ивана III. Ногайская орда также поспешно включалась в орбиту московской политики. Все это создавало благоприятную обстановку для вступления в борьбу с Великим Княжеством Литовским [10, с. 195]. В таких условиях вести какие-либо переговоры об антиосманском союзе было нецелесообразно. Кроме того, в 80—90-х гг. XV в. крымский хан Менгли-Гирей небезуспешно пытался быть посредником в установлении дружественных отношений Московии с Османской империей. 1498-м годом датируется первое московское посольство в Стамбуле (М. А. Плещеева) [11, с. 231—235, 241—249]. Этому, прежде всего, способствовали интересы московской торговли, а также необходимая поддержка со стороны Османской империи в борьбе против амбициозных преемников золотоордынских ханов.

Однако такое положение длилось недолго. Уже в первое десятилетие XVI в. Великое Княжество Московское столкнулось с фактом усиления крымских набегов на свои «окраины». Одновременно после временного затишья, наступившего благодаря ряду перемирий, османская опасность для стран Южной, Западной и Юго-Восточной Европы снова стала вполне реальной угрозой. В таких условиях участились контакты между Василием III и папами Львом X и Климентом VII [12, с. 128—132; 13, с. 33—40].

Сохранившееся письмо римского дипломата Альберто Кампенезе к папе Клименту VII дает возможность лучше понять роль, отводимую Российскому государству в антиосманской борьбе: «Не должно отнюдь верить тем, которые утверждают, будто нам нужны одни деньги московитян, славящихся своим богатством, а будто помощь их, по причине отдаления Москвы от турок, вовсе бесполезна. Из Смоленского княжества дорога идет через землю руссов — народа сопредельного и дружественного и живущего в тех же обычаях, что и Московиты, прямо в Валахию и Болгарию, а оттуда через Фракию в Константинополь. Этот путь весьма удобен для следования войск, а также для атаки, ибо из всех границ Турции самая слабая есть та, которая находится со стороны Москвы. К этому же Валахия и Болгария населены исключительно племенами христианскими, которые, находясь под властью турок, охотно отклонятся от них и соединятся с нашими воинами, если только явятся к ним защитники их свободы» [14, с. 11]. То есть можно предположить, что Москва рассматривалась Римом не только как удобный стратегический партнер, но и как возможный освободитель славянских народов. Не случайным совпадением выглядит назначение в январе 1522 г. нунцием в Польшу Томаса Црнича (Crniж) [15, p. 199]. Новый нунций был выдающимся дипломатом, горячим сторонником идеи общеевропейской антиосманской борьбы. Его поддержка программы папы Адриана VI объяснялась не только искренней приверженностью Святому Престолу, но и славянским происхождением. Томас Црнич, которого неоднократно называли итальянцем, на самом деле был хорватом и происходил из сплицкого рода Игne, или Crniж. Делом его жизни стала организация обороны Балкан от Турции [16, s. 140—141].

Второе десятилетие XVI в. во взаимоотношениях между Москвой и Римом можно назвать «временем взаимной заинтересованности». Ко всему прочему, материальная поддержка Василием III афонских и сербских монастырей создавала впечатление антиосманской направленности его внешней политики [17, с.12, 14, 17, 19, 21, 54, 59]. Это придавало надежды и на заключение церковного союза, за который папа обещал свободу торговли по всей Европе, превращение русской православной митрополии в патриаршество, венчание великого князя, названного «наияснейшим и непобедимейшим царем всея Руси», с титулом «христианского царя». Делались все те же намеки, что «антиосманская борьба» и «константинопольское наследство» очень связаны. Однако многократные посольства, направляемые из Рима в Москву, не продвигались далее Великого Княжества Литовского. Позиция великого князя литовского и короля польского была неизменна. Когда войска Великого Княжества Литовского терпели неудачу, Сигизмунд I Старый апеллировал к папе, но каждая небольшая победа становилась препятствием на пути взаимоотношений Курии и Москвы.

С конца 40-х гг. XVI в. для Российского царства отчетливо проявилась необходимость иметь дело с несколькими противниками, угрожавшими с северо-запада и юго-востока. Это сказалось и на отношениях с Курией. В данном случае инициатива переговоров в равной степени исходила и от Москвы. В 1550 г. Иваном IV в германские княжества был направлен Иоанн Шлитте, перед которым стояла задача пригласить специалистов различных профессий. Источники умалчивают об истинных целях этого посольства, известно лишь, что Шлитте отправил папе Юлию III через своего посланника Штейнберга «предложение Ивана IV» создать в Москве католическую епархию [5, с. 267—270]. В литературе нет единого мнения, действительно ли это было предложением царя или же личным авантюризмом посла. Бесспорным является то, что деятельность Шлитте и Штейнберга учитывала политическую об-

становку, сложившуюся на Европейском континенте, а также взаимную заинтересованность Москвы и Рима.

Середина 50-х гг. XVI в. как для Западной Европы, так и для Курии — довольно сложное время: обострились противоречия между католичеством и протестантством [18, s. 5—15]. Не прекращалась и борьба с Османской империей в Средиземноморье и на Балканах. В таких обстоятельствах Российское государство вновь вошло в орбиту интересов папской дипломатии. Цель оставалась неизменной: привлечение Москвы к антиосманской борьбе. В это же время была организована, как считают многие исследователи, первая на территории Центральной и Восточной Европы нунциатура. И это событие было связано с назначением при дворе польского короля нунция Алоизия Липпомано, епископа Веронского (1550) [19, s. 129—137]. С этого времени Римская курия стала более внимательно следить за ходом внутренних событий в государствах Восточной Европы.

Вспышка очередного конфликта за Прибалтику, затянувшаяся на долгие годы, затронула не только государства Восточной Европы. События в Ливонии привлекли внимание Дании, Швеции, Священной Римской империи. Очередной военный конфликт на Европейском континенте, оттягивающий силы от антиосманской борьбы, не оставлял равнодушной Римскую курию. Надежду на поддержание со стороны российского царя антиосманской политики Курии придавали и действия восточного духовенства, положение которого ухудшалось вследствие усиления притеснения со стороны мусульман. В Москву неоднократно присылались ходатайства со стороны константинопольских патриархов, митрополитов и монастырей с просьбами о помощи и заступничестве за православие перед турецким султаном и даже призывы к военным действиям против Османской империи [20, л. 59, 61—61 об., 62 об., 65 об.].

Многочисленные папские посольства, направленные к московскому великому князю, но так и не достигшие Москвы, заставляли Рим считаться с позицией короля польского и великого князя литовского, преимуществом которого, несомненно, было постоянное присутствие своего представителя в Риме. В Речи Посполитой любое сближение Рима с Москвой по-прежнему рассматривалось как тайная угроза своим интересам.

В июне 1579 г. Римская курия выступила с очередной инициативой организации антиосманской лиги. Папа Григорий XIII стремился привести противоборствующие стороны к заключению мира в Восточной Европе, подталкивая к переговорам Стефана Батория. По отношению к королю Речи Посполитой были выдвинуты пожелания прекратить военные действия с Москвой и, пользуясь временным ослаблением Османской империи, направить свое оружие против «неверных» [21, s. 33]. Обеспечив мир на западной границе Российского царства, папа надеялся направить Ивана IV на борьбу против Крыма и перекопских татар [22, s. 35]. Согласно инструкции, которую получил нунций Калигари, мир с Москвой — главное условие, лига — следствие [19, s. 177—178].

В 1580 г. Иван Грозный, доведенный до отчаяния затянувшейся Ливонской войной (1558—1583), отправил в Рим к папе Григорию XIII посланника Истому Шевригина с просьбой помочь урегулировать конфликт со Стефаном Баторием. Естественно, что был поднят вопрос об антиосманской коалиции. В качестве посредника из Рима был направлен иезуит Антонио Поссевино. Однако с развитием контрреформации Папский престол стал придерживаться «идеи Ягеллонов» (Корона Польская — поборник христианства). Выдвинутый Стефаном Баторием тезис «Москва может существовать либо под властью татар, либо под властью Речи Посполитой», а также военные успехи принесли ему расположение Курии. Батория уже рассматривали как руководителя антиосманской коалиции.

Ливонская война показала невозможность политического взаимодействия славянских государств Восточной Европы. Ям-Запольское перемирие (1582 г.), заключенное с помощью посредника от Святого Престола А. Поссевино, не оправдало надежды ни одной из сторон. Иван IV очень искусно сыграл на интересах Курии, добившись в конечном счете необходи-

мого ему перемирия с Речью Посполитой. Последующие предложения А. Поссевино не привлекали Ивана Грозного. Он отказался от обсуждавшейся возможности церковной унии, прекратились разговоры и о совместной борьбе с Османской империей.

Таким образом, первый опыт тесных контактов с Апостольским Престолом на долгие годы создал в глазах римских понтификов образ христианского государя, стремившегося к борьбе с «врагами Церкви» и обеспокоенного судьбой своего «Константинопольского наследства». Действия московских великих князей, направленные в сторону Рима, были не простым стечением обстоятельств, а сконцентрированной, планомерной и продуманной политикой, направленной на то, чтобы имитировать свою заинтересованность в заключении церковной унии и борьбе с Портой. Апостольский Престол рассматривал далекую Московию как потенциального союзника в борьбе с Османской империей и поэтому время от времени стремился урегулировать военные конфликты в Восточной Европе.

Дальнейшие события (смерть Стефана Батория, развитие контрреформации) отодвинули вопрос борьбы с Турцией на второй план. Папа Климент VIII, занявший престол в 1592 г., придерживался той точки зрения, что, прежде чем думать о решительных сдвигах в борьбе с Османской империей, надо довести до конца дело контрреформации в Европе. Стратегическая линия в отношении Российского государства оставалась неизменной, менялась только тактика понтификов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Podraza, A.* Europa Środkowa jako region historyczny / A. Podraza // Eupopa Środkowowschodnia od X do XVII wieku — edność czy różnorodność? / pod red. K. Baczkowskiego, J. Smołuchy. Kraków : Societas Vistulana, 2005. S. 24—39.

2. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л. : Изд. Акад. Наук СССР, 1959. Т. 26. 413 с.

3. Никаноровская летопись // Полное собрание русских летописей / отв. ред. А. Н. Носонов. М.; Л. : Изд. Акад. Наук СССР, 1962. Т. 27. 418 с.

4. *Полоньска-Василенко, Н.* І сторія України : у 2 т. / Н. Полоньска-Василенко. Київ : Либідь, 2002. Т. 1: До середини XVIII століття. 558 с.

5. *Пирлинг, П.* Россия и Папский престол / П. Пирлинг. М. : Современные проблемы, 1912. 452 с.

6. *Пирлинг, П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог / П. Пирлинг. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1892. 235 с.

7. *Зонова, Т. В.* Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы / Т. В. Зонова. М. : МГИМО; РОССПЭН, 2000. 200 с.

8. *Бантыш-Каменский, Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): в 3 ч. / Н. Н. Бантыш-Каменский. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. Ч. 2. 233 с.

9. *Smołucha, J.* Papiestwo a Polska w latach 1484—1526. Kontakty dyplomatyczne na tle zagrożenia tureckiego / J. Smołucha. Kraków : Societas Vistulana, 1999. 247 s.

10. *Базилевич, К. В.* Внешняя политика Русского государства (вторая половина XV в.) / К. В. Базилевич. 2-е изд. М. : Территория, 2001. 544 с.

11. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией (1487—1533) // Сб. Императорского русского исторического общества. 1884. Т. 41. 558 с.

12. *Глушакова, Ю. Н.* Неопубликованные русские грамоты из Ватиканского Архива / Ю. Н. Глушакова // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 128—132.

13. Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М. : Полиграфист, 1960. 67 с.

14. Письмо Альберто Кампенезе к Папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб. : Тип. III Отдел. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. 32 с.

15. Acta Nuntiaturae Polonae. Roma : Institutum Historicum Polonicum, 1990. T. I / auctore H. D. Wojtyska. 477 p.

16. *Wojtyska, H. D.* Toma Crnić jedyny Słowianin-nuncjusz w Polsce 1522—1523 / H. D. Wojtyska // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 1989. Z. 89. S. 139—148.

17. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб. : Тип. III Отдел. Собст. Е.И.В. Концелярии, 1858. 365 с.

18. *Dembiński, B.* Rzym i Europa przed rospocz ciem trzeciego okresu Soboru Trydenckiego / B. Dembiński. Kraków : Akad. Umiejętności, 1890. 264 s

19. *Fabisz, P. W.* Wiadomość o legatach i nuncyuszach apostolskich w dawnej Polsce (1075—1863) / P. W. Fabisz. Ostrów : Nakł. księgarni J. Priebatscha, 1864. 374.

20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 52. Оп. 1. Д. 1. Приезды духовных лиц из греческих и сербских монастырей; купцов с грамотами.

21. *Chynczewska-Hennel, T.* Stolica Apostolska i Rzeczpospolita w czasach nowożytnych // Polska i Stolica Apostolska X—XXI wiek / red. D. Gales. Warszawa : ARGRAF, 2006. S. 32—42.

22. *Boratyński, L.* Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576—1584) / L. Boratyński // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Kraków, 1903. S. 1—151.

РЕЗЮМЕ

Объект исследования автора статьи – взаимоотношения Российского государства и Римской курии во второй половине XV—XVI вв. на фоне продвижения Османской империи в Западную Европу. Апостольская Столица перманентно разрабатывала идею антитурецкой коалиции и выступала с призывами прекратить военные действия между христианскими государствами Европы. С целью привлечения дополнительных сил к антитурецкой борьбе, планировалось установление мирных отношений Великого Княжества Московского с Великим Княжеством Литовским. В свою очередь, Москва, заинтересованная в сохранении мира на западных рубежах государства, «заигрывала» с Курией.

SUMMARY

The subject of research of the author's article — the relations of the Russian state and the Roman Curia in the second half of the XV—XVI centuries against the background of advancing of the Ottoman Empire in Western Europe. The Apostolic Capital permanently developed the idea of anti-Turkish coalition, and appealed for a cessation of hostilities between the Christian states of Europe. In order to attract additional forces to the anti-Turkish struggle, it was planned to establish peaceful relations of the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of the Lithuania. In turn, Moscow being interested in preserving peace on the western borders of the state, was "flirting" with the Curia.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2011 г.